

К 260-ЛЕТИЮ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА (1755–2015)

В.А. Томсинов, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права юридического факультета МГУ*

ПЕРВЫЙ ПРОФЕССОР ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ФИЛИПП-ГЕНРИХ ДИЛЬТЕЙ (1723–1781)

Статья посвящена преподавательской и научной деятельности Ф.-Г. Дильтея, который был первым и почти восемь лет единственным профессором юридического факультета Московского университета.

Ключевые слова: Московский университет, юридический факультет, научная юриспруденция, Ф.-Г. Дильтей.

The article is devoted to teaching and research activities of Ph.-H. Dilthey, who was the first and almost eight years the only Professor of the law faculty of Moscow University.

Keywords: Moscow University, law faculty, law science, Ph.-H. Dilthey.

Филипп-Генрих Дильтей был не просто первым профессором-правоведом Московского университета — с 1 сентября 1756 г. и до середины августа 1764 г. он являлся здесь единственным преподавателем юридических наук¹.

«Проект об учреждении Московского Университета» предусматривал создание в университете трех факультетов — юридического, медицинского и философского. Согласно § 5 указанного документа, в юридическом факультете должны были состоять три профессора: «1) Профессор всей юриспруденции, который учить должен натуральные и народные права и узаконения Римской древней и но-

* tomsinov@yandex.ru

¹ А. Капустин в своей биографической статье о Ф.-Г. Дильтее, опубликованной к 100-летию юбилею Московского университета, счел необходимым отметить: «В течение 10 лет в Дильтее сосредоточивался весь юридический факультет Московского университета» (Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. М., 1855. Ч. 1. С. 301–302). На самом деле Ф.-Г. Дильтей был единственным преподавателем юридического факультета 7 лет и 9 с половиной месяцев, а если учесть, что как отдельное подразделение Московского университета юридический факультет фактически существовал с 1758/59 уч. г., то не более 5 с половиной лет.

вой империи. 2) Профессор юриспруденции Российской, который сверх вышеписанных должен знать и обучать особливо внутренние государственные права. 3) Профессор политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие века и как состоят в нынешнее время»².

Однако в действительности вместо указанных трех профессоров преподавание юридических наук в Московском университете в течение почти 8 лет вел лишь один профессор — приглашенный из Австрии Ф.Г. Дильтей. Характер его преподавательской и научной деятельности в Московском университете показывает, что это был весьма достойный человек и ученый. Его биография — это *живая история начального периода существования Московского университета*.

* * *

Родился Ф.-Г. Дильтей в 1723 г. в Тироле, в местечке Шерштейн—Рингава. «По некоторым признакам можно предполагать, что он был славянского происхождения. В переписке с Миллером он просил его о присылке чешской грамматики, вновь тогда вышедшей, и скорее, чем другие иностранные профессора, выучился по-русски»³, — отмечал С.П. Шевырев в своей «Истории Императорского Московского университета».

Высшее образование Дильтей получил в университетах Инсбрука, Страсбурга и Вены. В 1753 г. он защитил в Венском университете докторскую диссертацию по юриспруденции и был удостоен степени доктора права.

Ко времени приезда в Россию Ф.-Г. Дильтей был уже весьма известным ученым, в частности, он являлся членом Майнцкой академии наук. Во всяком случае его хорошо знал работавший в Санкт-Петербургской академии наук немецкий историк Г.-Ф. Миллер. По рекомендации Миллера (а также немецкого ученого-географа Бюшинга⁴) Дильтей был приглашен на должность профессора правоведения в Императорский Московский университет.

В Москву Ф.-Г. Дильтей прибыл 28 сентября 1756 г. Поселился сначала в доме директора Московского университета А.М. Аргамако-

² Законодательство императрицы Елизаветы Петровны / Сост. авт. вступ. ст. В.А. Томсинов. М., 2009. С. 178.

³ Шевырев С.П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М., 1855. С. 33.

⁴ Антон-Фридрих Бюшинг (1724–1793) был мужем сестры Ф.-Г. Дильтея (С.П. Шевырев называл его двоюродным братом Дильтея). С 1754 г. он занимал кафедру философии в Геттингенском университете. С 1760 до 1765 г. Бюшинг жил в Санкт-Петербурге и служил пастором при церкви Святого Петра.

ва. 31 октября Дильтей выступил с речью «О нужде и пользе права» в торжественном собрании Императорского Московского университета. Куратор университета И.И. Шувалов пригласил на это выступление многих знатных жителей Москвы. В приглашении отмечалось, что профессор из Вены, «будучи призван к сей должности, заблагорассудил, что он бесполезно учинит, если о нужде и пользе права, перстом Божиим во всех сердцах написанного и чрез справедливое суждение всему роду человеческому объявленного, речь свою предполагать будет»⁵. Жалованье Дильтею было назначено от Московского университета, как и другим профессорам, в размере 500 руб. в год.

19 октября 1756 г. на заседании Конференции (Ученого совета) Московского университета, состоявшей тогда из трех профессоров — Ф.-Г. Дильтея, Н.Н. Поповского, И.Г. Фроммана, заседавших под председательством директора университета⁶, было решено, что профессор Дильтей будет читать лекции по естественному праву и истории с двух до четырех часов по полудни четыре раза в неделю⁷.

1 ноября 1756 г. Ф.-Г. Дильтей начал чтение лекций в Московском университете по юридическим наукам, хотя юридический факультет тогда еще не выделялся в качестве самостоятельного подразделения университета⁸. Из каталога университетских лекций на 1757 г. видно, что Дильтей читал на латинском языке публичные лекции для студентов по естественному и народному праву на основе руководства немецкого правоведа Самуила Пуфендорфа⁹.

Одновременно с преподаванием в Московском университете профессор Дильтей стал читать на французском языке¹⁰ для всех желающих лекции, которые в то время назывались «приватными». В лекционном каталоге на 1757 г. он объявил темами своих «приватных лекций» «права гражданские римские», «право феодальное», «криминальное» и «право публичное Римской империи»¹¹. В 1761 г. профессор Дильтей читал публичные лекции по естественному праву, истории, географии и геральдике. В каталоге на 1762 г. он объявил, что будет читать «приватные лекции» по всеобщей истории и

⁵ Цит. по: *Морошкин Ф.Л.* Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции // Ученые записки Императорского Московского университета. 1834. Ч. 3. Февраль. № 8. С. 220.

⁶ Приказом куратора Московского университета И.И. Шувалова от 16 февраля 1757 г. в состав Конференции были включены в дополнение к профессорам три ассесора университетской канцелярии.

⁷ См.: *Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века.* Т. 1. М., 1960. С. 27.

⁸ Распределение лекционных курсов по факультетам стало проводиться только с 1758/59 уч. г.

⁹ См.: *Морошкин Ф.Л.* Указ. соч. С. 224.

¹⁰ Французский язык был родным для Ф.-Г. Дильтея.

¹¹ Там же.

хронологии от сотворения мира до Рождества Христова. За свои лекции для широкой публики Дильтей просил весьма солидную по тем временам плату — 12 руб. за лекционный час. В 1760 г. он купил в Москве двухэтажный дом за 1 500 руб. Из этого факта можно сделать вывод о том, что его публичные («приватные») лекции пользовались некоторым успехом.

На заседании Конференции университета, которое состоялось 24 февраля 1757 г., было объявлено о назначении профессора Дильтея приказом куратора Шувалова инспектором университетской гимназии¹² с прибавкой ста рублей к жалованью. Пробыл он на этой должности недолго, но успел отличиться небрежностью при исполнении инспекторских функций. В начале 1758/59 уч. г. Ф.-Г. Дильтея заменил на этом посту Н.Н. Поповский¹³. В ноябре 1758 г. должность инспектора гимназии снова освободилась, и после отказа профессоров Фроммана и Керштенса занять ее инспекторство было опять предложено Дильтею, однако он ответил отказом. В 1761 г. профессору Дильтею придется все же исполнять должность инспектора гимназии, о чем свидетельствует «Ордер куратора Ф.П. Веселовского в канцелярию о переходе инспекторской должности от профессора Дильтея к профессору Фромману», датированный 14 декабря 1761 г.¹⁴

В августе 1758 г. при составлении каталога лекций в Московском университете на 1758/59 уч. г. между Н.Н. Поповским и Ф.-Г. Дильтеем возник спор о том, в каком порядке следует расположить в каталоге фамилии лекторов. Профессор Поповский начал читать лекции в университете почти на год и четыре месяца раньше Дильтея и потому требовал, чтобы он был назван первым. Дильтей же полагал, что фамилии профессоров должны располагаться по факультетам и в таком случае именно он должен быть первым, поскольку в каталогах лекций, читавшихся в западноевропейских университетах, имена профессоров юридических факультетов ставились выше профессоров медицинского и философского факультетов¹⁵. 22 августа Конференция Московского университета постановила: «Так как между господами профессорами произошло маленькое пререкание по поводу

¹² § 33 «Проекта о учреждении Московского университета» устанавливал: «Инспектором над гимназиею быть одному из профессоров в Университете, которому как учителя, так и учащиеся должны являть всякое почтение и послушание, и по его повелениям и распоряжкам, чинимым с апробациею Директора, непременно исполнять».

¹³ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 1. С. 129, 319.

¹⁴ Там же. С. 230–231.

¹⁵ В каталогах лекций, составлявшихся в западноевропейских университетах, было принято располагать профессоров в следующем порядке: 1) профессора богословского факультета, 2) профессора юридического факультета, 3) профессора медицинского факультета и 4) профессора философского факультета.

того, чье имя должно стоять первым в каталоге лекций, то Конференция рассудила определить им места по факультетам»¹⁶.

1 марта 1764 г. Конференция Московского университета поручила профессору Дильтею разработать вопрос о способах преподавания российской юриспруденции¹⁷. 20 марта 1764 г. Дильтей передал Конференции свою записку (memoir) по этому вопросу.

В ней говорилось, в частности, что «изучение права (studium iuridicum) предполагает уже законченное гуманитарное и философское образование» и поэтому, «если кандидаты на обучение юриспруденции в университете будут присылаться без твердого знания этих наук, они не могут быть выпущены из университета иначе чем по прошествии десяти или двенадцати лет»¹⁸. Если же этой науке будут обучаться студенты, подготовленные к ней благодаря окончанию курса гуманитарных наук и философии, и «если появятся в университете профессора права, определенные и назначенные в силу § 5 первого Проекта университета»¹⁹, то курс юриспруденции может быть завершен в три года»²⁰. При отсутствии же упомянутых профессоров курс обучения юридическим наукам мог быть завершен, по мнению Дильтея, лишь в пять лет, «в особенности при наличии в Московском университете одного лишь профессора права, да и то только при условии, что однажды определенные к этому занятию никоим образом от него отвлекаться не будут»²¹.

В этом случае, т.е. при наличии единственного профессора права, программа преподавания юридических наук в Московском университете должна была иметь, согласно записке Дильтея, следующий вид: «1) Всеобщее или естественное право и право народное как основа и фундамент всех прав изучается прежде всего... 2) Далее должны следовать установления Римского права... Здесь к каждой главе должно присовокуплять Российские законы, которые либо согласуются с Римским правом, либо ему противоречат. 3) Право уголовное и право вексельное, в обоих также всюду следует присоединять соот-

¹⁶ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 1. С. 128.

¹⁷ Там же. С. 283.

¹⁸ Там же. С. 284.

¹⁹ Дильтей имел здесь в виду предусмотренных указанным параграфом профессора «всей юриспруденции, который учить должен натуральные и народные права и узаконения Римской древней и новой империи», профессора «юриспруденции российской, который сверх вышеписанных должен знать и обучать особливо внутренние государственные права» и профессора «политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие века и как состоят в нынешнее время».

²⁰ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 1. С. 285.

²¹ Там же.

ветствующие Российские законы. 4) Право Российское, таким образом обращенное в законоведение. 5) Государственное право»²².

Ф.-Г. Дильтей брался обеспечить в одиночку преподавание всех вышеперечисленных наук на юридическом факультете Московского университета, и в том числе русского права, при условии если, во-первых, ему от университета будут «сообщены все русские законы», а во-вторых, дадут ему «двух студентов, которые уже занимались правом, для чтения русских законов и расположения их по порядку»²³.

Представленный Дильтеем план преподавания наук на юридическом факультете не был введен в действие. В ответе Конференции Московского университета на запрос из Правительствующего Сената по делу профессора Дильтея, данном 12 октября 1765 г., говорилось о том, что Конференция по многим причинам этого плана не опробовала и потому он, не надписанный Дильтеем ни к кому и им не подписанный, и числом дня не означенный, «остался без действия»²⁴. В результате программа преподавания наук на юридическом факультете оставалась неизменной еще несколько лет — вплоть до появления в Московском университете русских профессоров юриспруденции.

До середины августа 1764 г. Ф.-Г. Дильтей являлся единственным преподавателем юридического факультета. Правда, и студентов на факультете было тогда немного — бывали времена, когда Дильтею приходилось читать лекции всего лишь одному студенту. А в 1763/64 уч. г. на юридическом факультете вообще не было студентов.

В начале августа 1764 г. куратор Московского университета В.Е. Адодуров отставил Ф.-Г. Дильтея от должности профессора университета за то, что он, «не стараясь о пользе университета и учащих-ся, употреблял все рачение к одному своему прибытку, и в своих лекциях також и в смотреии за пенсионерами против ево обязательства оказался нерадив, студенты же и к слушанию ево лекций никакого желания не оказывали и ходить на оные не хотели»²⁵.

Вопрос о пренебрежении Дильтея своими обязанностями профессора Московского университета поднимался еще в 1758 г. На заседании Конференции, состоявшемся 2 сентября указанного года, была оглашена просьба Дильтея выдать ему аттестат от Конференции о его «службе, поведении и нравственности». Все члены Конференции дали согласие, за исключением профессора Поповского, который заявил, что «не имеет ничего возразить против его поведения или нравственности, но не дает своей подписи под тем, что от-

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Т. 2: 1765—1766. М., 1962. С. 182.

²⁵ Там же. Т. 1. С. 333.

носится до его служебной деятельности, против которой протестовал и прежде»²⁶.

Осенью 1761 г. на нескольких заседаниях Конференции рассматривался вопрос о ссоре профессора Дильтея с преподавателем французского языка в университетской гимназии господином Буайе де Роке. Виновными в возникновении этого конфликта были обе стороны, однако предание огласке конкретных его обстоятельств в большей степени ударило по нравственной репутации Дильтея. Будучи инспектором университетской гимназии, Дильтей постоянно писал на преподавателя Буайе де Роке доносы. В свою очередь Буайе де Роке, считая эти доносы ложными, обратился с жалобой на Дильтея в Конференцию. Дильтей отреагировал на эту жалобу строптивого преподавателя весьма своеобразно: будучи пьяным, он увидел однажды Буайе де Роке в университетской харчевне и набросился на него, схватив за ворот²⁷. Тогда пострадавший написал новую жалобу на Дильтея, используя при этом «непочтительные выражения». Куратор Веселовский объявил ему за эти выражения выговор. Но и поведение Дильтея было Конференцией признано неподобающим званию профессора. В ответ Дильтей написал жалобу на Буайе де Роке, в которой, вместо того чтобы опровергнуть возведенные на него обвинения, напал «в грубых и оскорбительных выражениях на противную сторону» и обвинил членов Конференции «в пристрастности и вероломстве»²⁸. Конференция направила дело Ф.-Г. Дильтея куратору университета. Тот нашел Дильтея неправым, освободил его от должности инспектора гимназии и принудил извиниться перед всеми членами Конференции в несправедливо нанесенном им в его заявлении оскорблении и отказаться от всякого преследования Буайе де Роке²⁹.

Увольнение Дильтея из Московского университета не было, таким образом, результатом интриг его коллег или пристрастия со стороны университетского руководства. Оно было закономерным следствием поведения самого иностранного профессора в России, который в течение нескольких лет несколько раз грубо нарушал общественный порядок.

Вместо Ф.-Г. Дильтея для преподавания юридических наук в Московском университете куратором Адодуровым был приглашен, по рекомендации Г.-Ф. Миллера, Карл-Генрих Лангер, который, хотя и прошел курсы обучения философии и юриспруденции в Гейдельбергском и Иенском университетах, ни печатных трудов, ни ученой сте-

²⁶ Там же. С. 130.

²⁷ Там же. С. 226.

²⁸ Там же. С. 228.

²⁹ Там же. С. 230.

пени доктора права не имел³⁰. 11 августа 1764 г. К.-Г. Лангер прочитал пробную публичную лекцию и был рекомендован Конференцией на должность профессора юридического факультета сроком на три года и с годовым жалованьем 500 руб. Куратор Адодуров рекомендовал Лангеру как можно быстрее освоить русский язык, чтобы вести занятия и по русской юриспруденции. «Лангер начал читать право положительное всеобщее по системе Неттельбладта³¹, но с 1765 г. стал уже требовать для своих лекций экземпляра Российских указов»³².

Между тем увольнение Ф.-Г. Дильтея из Московского университета вылилось в большое дело, которое более года разбиралось в Правительствующем Сенате.

Осенью 1764 г. Дильтей подал императрице Екатерине II прошение, в котором пожаловался на незаконность своего увольнения. 20 января 1765 г. в Московский университет поступил сенатский указ с требованием немедленно передать в Правительствующий Сенат все имевшиеся в университетской канцелярии документы по делу об увольнении Ф.-Г. Дильтея. В указе говорилось, что именным указом от 13 декабря 1764 г., собственноручно подписанным Ее Императорским Величеством «на экстракт из челобитья профессора юриспруденции Филиппа Дильтея», высочайше повелено рассмотреть его претензии в Сенате. В своей челобитной Дильтей жаловался, что его уволили необоснованно, что ему более года не давали в университете студентов для обучения юриспруденции, что университетская канцелярия не выплачивала ему положенного жалованья. При этом он приложил к тексту челобитной список «убытков», которые были им понесены вследствие увольнения из Московского университета. Дильтей назвал в этом списке потерю частных уроков, покупку экипажа для поездки в Санкт-Петербург, расходы на свое содержание

³⁰ Первая печатная работа К.-Г. Лангера выйдет в свет в Москве спустя год после его прибытия сюда. Это будет текст его речи, произнесенной в публичном собрании Императорского Московского университета в честь «высокоторжественного дня рождения» императрицы Екатерины Алексеевны 26 апреля 1766 г. (см.: *Лангер К.-Г.* Слово о начале и распространении положительных законов, и о неразрывном союзе философии с их учением. М., 1766). В 1767 г. появится в печати самое значительное произведение Лангера в области юриспруденции — «Слово о происхождении и свойстве высшего криминального суда, и что употребление оногo рассуждать надлежит, по различному состоянию гражданств, и по намерению, которое в наказании людей иметь должно». Это произведение являлось текстом его речи, произнесенной 26 июня 1767 г., в день восшествия на престол Екатерины II.

³¹ Даниэль Неттельбладт (*Daniel Nettelblatt*, 1719–1791) — немецкий правовед. Самым известным его произведением был учебник «Элементарная система всеобщей натуральной юриспруденции», вышедший в свет в двух томах первым изданием в 1749 г., третьим изданием — в 1767 г. (см.: *Nettelblatt D.* Systema elementare universae iurisprudentiae. Bd. 1–2. Halae Magdeburgicae, 1767). В 1997 г. в Хильдешайме (Hildesheim) было напечатано репринтным способом издание этой книги, выпущенное в Халле в 1785 г.

³² *Шевырев С.П.* Указ. соч. С. 129.

там во время судебного процесса и содержание семьи, оставшейся в Москве, и т.п. Общая сумма, которую он требовал взыскать в его пользу с Московского университета, составляла 5 000 руб. и была равна его жалованью в университете за десять лет.

5 октября 1765 г. в Конференцию Московского университета поступил из Сената новый запрос по делу Ф.-Г. Дильтея. Конференции предлагалось «немедленно и, конечно, сего ж числа подписать: профессор Филипп Дильтей по званию своему во обучении наук в прилежности ль находился и не было ль от него, что ему для обучения определенных учеников не дают, каких в тое Конференцию представлений, и буде были, то оные приложить при сем»³³.

В ответе, направленном Конференцией в Сенат на следующий день, говорилось, что «о прилежности г. профессора Дильтея Конференция ничего сказать не может, потому что до сего времени не употребительно было в университете подавать в Конференцию репорты³⁴, из которых бы о бытности или небытности, а тем меньше о прилежности учащихся рассуждать можно было... От г. профессора Дильтея в оную Конференцию, что ему для обучения определенных учеников не дают, никаких представлений не было и не имеется»³⁵.

Спустя пять дней — 11 октября — Конференция Московского университета получила новый запрос из Сената: «было ль от профессора Дильтея во оную, что ему студентов для слушания ево лекций не дано, какое представление, и буде было, сообщить при сем точную копию»³⁶. Конференция снова дала отрицательный ответ на этот вопрос. Указав, что «ни в протоколе, ни между прочими письмами университетскими совсем не находится никаких представлений от г. профессора Дильтея» о том, будто ему не давали студентов для слушания его лекций³⁷.

28 октября 1765 г. в Конференцию поступил новый запрос из Сената относительно профессора Дильтея. Сенат интересовался, в частности, какое количество студентов имел Дильтей в бытность свою при Московском университете и кто именно были его слушатели. Конференция не смогла в полной мере ответить на этот вопрос, поскольку никаких ведомостей с именами студентов, учившихся на юридическом факультете, не обнаружила, и сообщила: «Профессорскому собранию известно, что в 1763 году к нему были определены пятеро студентов, а именно: Родион Гвоздиковский, Илья Грачевский,

³³ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 2. С. 180.

³⁴ Так в оригинальном тексте.

³⁵ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 2. С. 180.

³⁶ Там же. С. 181.

³⁷ Там же. С. 181–182.

Иван Доброхотов, Иван Теплов и Илья Федоров»³⁸. Из этих студентов двое — Гвоздиковский и названный Федоровым Илья Федорович Яковлев — были в 1767 г. взяты на работу в Комиссию по составлению нового уложения. Илья Грачевский стал учителем подведомственной Московскому университету Казанской гимназии. Доброхотов и Теплов не смогли закончить университет и были отчислены³⁹.

Разбирательство по делу Ф.-Г. Дильтея продолжалось до весны 1766 г. 9 марта 1766 г. его жалоба была высочайшим указом признана подлежащей удовлетворению на том основании, что университетская канцелярия не предупредила его, как это было предусмотрено в заключенном с ним контракте, за три месяца об увольнении от службы. Куратору Адодурову было повелено принять Дильтея в службу, «заключая с ним вновь контракт» и «дать ему студентов для обучения юриспруденции»⁴⁰.

21 марта 1766 г. куратор Василей Адодуров сообщил М. М. Хераскову: «Высокоблагородный господин Императорского Московского университета директор! Ее императорское величество имянным за подписанием собственныя е. в. в руки высочайшим Указом марта от 9 числа по известной жалобе профессора юриспруденции Дильтея высочайше повелеть мне соизволила принять его в службу, заключа с ним вновь контракт с прибавлением жалованья против протчих сверстников его, ежели им прибавлено»⁴¹.

12 апреля 1766 г. куратор Адодуров объявил Конференции университета, что заключил с профессором Дильтеем контракт «о предоставлении ему должности профессора гражданского права и представил подписанный им экземпляр упомянутого контракта, приказав при этом, чтоб ему дали требуемых студентов и назначили для ординарных публичных лекций по праву часы от 4 до 6 пополудни»⁴².

³⁸ Там же. С. 192.

³⁹ Несмотря на малое количество студентов, Конференция Московского университета немедленно отчисляла тех из них, кто не показывал на экзаменах требуемого уровня знаний. Случаи отчислений неуспевающих студентов отражены во многих протоколах Конференции. Так, в протоколе заседания, состоявшегося 4 июля 1758 г., можно прочитать: «Конференция проэкзаменовала вчера 50 казеннокоштных дворян, из коих шестеро подлежат исключению». Далее называются имена данных студентов и указывались причины, по которым их необходимо было исключить — «ленив и неспособен» или «ленив и ни в чем не успевает» или «ленив и никакие наказания его не исправили». После этого отмечается: «Имеется восемь человек сомнительных, между ними несколько недавно поступивших в университет; их оставили на 4 месяца, после чего, если они успевать не будут, то должны быть также исключены» и приводится список таких студентов. В заключении же данной справки об экзаменах говорится: «Все остальные получили аттестаты о прилежании и многие о весьма хорошем поведении» (Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 1. С. 119).

⁴⁰ Там же. Т. 2. С. 311.

⁴¹ Там же. С. 237.

⁴² Там же. С. 245.

В соответствии с данным контрактом Дильтей принимался в службу с 9 марта 1766 г. сроком на три года с жалованьем в год по 700 руб.

В первой статье контракта говорилось: «обязуется помянутой проф. Дильтей при имп. Московском университете в определенные ординарным профессорам дни и часы со всякою верностию и прилежанием обучать публично всеобщему положительному праву во всех оногo частях, купно с историею о праве гражданском, а особливо римском»⁴³.

Второй пункт контракта Московского университета с Ф.-Г. Дильтеем гласил: «За основание своих лекций имеет он положить назначенную к тому в силе апробированного о университете проекта 8 пункта куратором и профессорским собранием Неттельблаттову систему начал всеобщего положительного права, изъясняя не токмо положительную юриспруденцию во всем ее пространстве внятным и полезным толкованием, но показывая притом своим слушателям сравнение и различие всех чужестранных гражданских законов, а особливо тех государств, которые с Россиею состоят в некоторой коннекции, таким образом, чтоб его слушатели через то предуготовлены были к предварительному правильному познанию прав своего отечества. А дабы время определенных на лекции часов не проходило втуне, то имеет он удерживаться от всякого излишнего диктования, но наипаче подавать учащимся основательное наставление в приличных лекциях его наукам остроумным, а притом легким и понятным разговором, которому, как обыкновенно, должно быть на латинском языке»⁴⁴.

В третьем пункте контракта уточнялось, как должно применять «Неттельблаттово руководство» в преподавании начал всеобщего положительного права. «А понеже все, что относится единственно к состоянию немецкой империи и следственно до его лекций не принадлежит, должно из оногo автора как ненужное исключено быть: то обязуется помянутой профессор в каждой учебной год, в силу апробированного о университете Проекта 10 пункта не токмо окончить курс своих лекций по означенному Неттельблаттову руководству, но и в военном, морском и вексельном правах подать наставление, которое, бесспорно, должно почитать за части общего положительного права, для усмотрения ж, какие его слушатели будут иметь успехи, делать с оными по востребованию кураторскому экзамены»⁴⁵.

В шестом пункте контракта говорилось, что «не меньшее же обещает он г-н проф. Дильтей своим нынешним поведением и поступками подавать доброй пример обучающемуся при университете

⁴³ Там же. С. 313.

⁴⁴ Там же. С. 314.

⁴⁵ Там же. Т. 2. С. 314.

юношеству, чина своего никаким образом не делать презрительным, честь и пользу университета при всяком случае наблюдать... ибо худой пример при воспитании юношества неизбежной вред приносит и никогда извинен и оправдан быть не может»⁴⁶.

Днем начала чтения лекций Дильтеем куратор Адодуров определил 13 апреля 1766 г.⁴⁷. Факты показывают, что после восстановления в должности профессора Московского университета профессор Дильтей заметно изменил свое отношение к преподаванию юридических наук. Он стал уделять в своих лекциях русскому праву значительно больше внимания, нежели прежде.

Так, он потребовал у Конференции закупить для своих лекций на юридическом факультете тексты российских законодательных актов: вексельного, морского и воинского уставов. И Конференция отдала 1 мая 1766 г. распоряжение сделать это⁴⁸. На заседании Конференции, состоявшемся 20 мая 1766 г., профессор Дильтей повторил свое требование о покупке вышеуказанных книг и, кроме того, попросил, чтобы в дополнение к ним была приобретена «книга законов, в просторечии называемая Уложение, а также Указы от 30 января и 10 марта, относящиеся к вексельному праву»⁴⁹. Дильтей имел в виду Указ от 30 января 1766 г. «О наказании за сочинение фальшивых векселей»⁵⁰ и Указ от 10 марта 1766 г., предусматривавший уничтожение карточных долгов и выданных по ним векселей⁵¹.

12 августа 1766 г. профессор Дильтей обратился в Конференцию с просьбой, чтобы все российские узаконения, присланные в канцелярию университета, а также те, которые впредь присылаться будут, передавались в оригинале или в заверенной копии в Конференцию. Обосновывая эту свою просьбу, он пояснил, что «необходимо должно знать законы, а особливо юриспрудентам, которые преподавать оные должны, притом из узаконения государя императора Петра Великого знание законов и от иностранных также требуется»⁵². Из этих фактов видно, что после восстановления профессора Дильтея в должности ординарного профессора Московского университета в преподавании правовых наук на юридическом факультете произошли серьезные перемены к лучшему. Российское законодательство стало одним из основных предметов изучения студентами-юристами.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 245.

⁴⁸ Там же. С. 248.

⁴⁹ Там же. С. 255.

⁵⁰ 1-ПСЗРИ. Т. XVII. № 12561.

⁵¹ Там же. № 12593.

⁵² Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 2. С. 272.

Каталог лекций в Московском университете на 1766 г. показывает, что профессор Дильтей читал в указанном году систему всеобщей положительной юриспруденции по Неттельбладту с изложением права морского и военного⁵³. Каталоги лекций на 1773/74 и 1775/76 уч. гг. демонстрируют, что помимо курса всеобщей положительной юриспруденции Дильтей преподавал элементы истории русского законодательства. С 1777 г. он стал преподавать также и вексельное право. По некоторым данным, в 1771–1778 гг. профессор Дильтей читал студентам университета «книги пандектов, содержащие уголовное право применительно к русским законам»⁵⁴.

В первой половине июля 1767 г. в Москву возвратились из Шотландии посланные в Глазговский университет на учебу в 1761 г. Семен Ефимович Десницкий и Иван Андреевич Третьяков. За шесть лет пребывания в Глазго они в совершенстве освоили английский язык, прошли курс обучения философским и юридическим наукам, получили в Глазговском университете степени магистра свободных наук и доктора права. 13 августа 1767 г. они подтвердили высокий уровень своих познаний на экзамене, состоявшемся на экстраординарной Конференции в присутствии обер-секретаря Правительствующего Сената Самуила Дэна. После этого им было назначено на 17 августа чтение пробных публичных лекций.

Профессора юридического факультета Ф.-Г. Дильтей и К.-Г. Лангер высоко оценили знания и способности молодых русских докторов права, показанные ими во время экзамена и при чтении пробных лекций. По мнению Дильтея, «они представили столь исчерпывающие доказательства, и устные и письменные, своего знания в юриспруденции, что и тот и другой должны быть признаны достойными определения, согласно ордеру его превосходительства г. куратора нашего, на юридический факультет для преподавания публичных лекций, тем более что они привезли с собой докторские степени, полученные установленным порядком в Глазговском университете...»⁵⁵.

В результате было принято решение о допуске Десницкого и Третьякова к преподаванию на юридическом факультете Московского университета. 8 мая 1768 г. куратор Адодуров распорядился своим ордером произвести докторов юриспруденции Третьякова и Десницкого «в рассуждении их порядочного и с успехом своих должностей отправления» экстраординарными профессорами⁵⁶.

⁵³ *Морошкин Ф.Л.* Указ. соч. С. 224.

⁵⁴ *Шевырев С.* Указ. соч. С. 186.

⁵⁵ *Дильтей Ф.-Г.* Донесение об экзамене и пробной лекции гг. докторов права Семена Десницкого и Ивана Третьякова // Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 3. М., 1963. С. 84.

⁵⁶ Там же. С. 142.

Филипп-Генрих Дильтей преподавал после этого события, весьма знаменательного для русской научной юриспруденции, еще тринадцать лет. Весной 1781 г. он ушел в отставку по собственному прошению из-за болезни. Осенью того же года первый профессор юридического факультета Императорского Московского университета умер в Санкт-Петербурге.

* * *

Из произведений Ф.-Г. Дильтея наибольшее значение имел составленный им для студентов Московского университета учебник по вексельному праву. Написан он был на латыни, но затем его перевели на русский язык студенты юридического факультета Иван Борзов и Алексей Артемьев «под смотрением доктора Десницкого». В 1768 г. этот труд был напечатан под названием «Начальные основания вексельного права для употребления в юридическом факультете Московском по удобнейшему способу расположенные Филиппом Генриком Дильтеем, обоих прав Доктором, оных же и истории в Императорском Московском университете». Впоследствии учебник переиздавался пять раз (в 1772, 1781, 1787, 1894 и 1801 гг.). По словам Г.Ф. Шершеневича, «книга эта свидетельствует о несомненном и подробном знакомстве Дильтея с этой частью русского законодательства»⁵⁷.

Известно, что русские купцы проявляли к труду Ф.-Г. Дильтея «Начальные основания вексельного права...» повышенный интерес. По словам Ф.Л. Морошкина, данный трактат был столь удивительным для тогдашнего времени, что «класс деловых людей, увлекшись порядком и полнотой изложения, принял его за руководство в практике и нередко забывал видеть в нем произведение частного человека»⁵⁸. Справедливости ради следует отметить, что успех «Начальных оснований вексельного права...» во многом обеспечил С.Е. Десницкий, «который при подготовке новых изданий вносил в них дополнения, обусловленные изменениями русского вексельного законодательства»⁵⁹.

В «Предуведомлении» к своему знаменитому учебнику Дильтей сделал признание, которое свидетельствует о том, что он лично ходил по российским канцеляриям в поисках необходимых законодательных актов. «Если кто усмотрит, что в сем моем сочинении многие российские указы, к вексельному праву принадлежащие, мною пропущены, — писал он, — такого прошу извинить мое в сем непрепобедимом затруднении незнание. Ибо скрывать законы как некоторую

⁵⁷ Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. Казань, 1893. С. 5.

⁵⁸ Морошкин Ф.Л. Указ. соч. С. 221.

⁵⁹ Грацианский П.С. Политическая правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984. С. 155.

тайну есть обыкновение канцелярий российских, не говорю всех, но некоторых, как то я уже и сам довольно опытом дознал»⁶⁰.

Среди других произведений Ф.-Г. Дильтея особого внимания заслуживает опубликованная в Москве в 1779 г. на латинском и русском языках книга, которая в сокращенном названии была представлена как «Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательстве судебном»⁶¹. Автор предпринял в этой книге попытку изложить на основе принципов естественного и римского права общетеоретические основы ряда процессуально-правовых институтов. При этом свои теоретические рассуждения он дополнил извлечениями из русских законов.

В данном исследовании говорилось не только о гражданском, но одновременно и об уголовном судопроизводстве в Российской империи. При этом автор проводил между этими двумя типами судебного процесса достаточно четкое различие. «Судья должен, — писал Дильтей, — как частное, так и решительное определение чинить по законам, уставам и обыкновениям на ту сторону, которая больше права имеет или больше вероятности. Почему сие предложение: *почитаю за правильное, что судья может судить по мнению меньше вероятному*, не без причины от Иннокентия XI было опровергнуто. Противопологается; так, по крайней мере, судья может судить по мнению равно вероятному и в равном праве присуживать, кому хочет: на то ответствую с отрицанием приведенного умствования; ибо судья не самовластный в спорных делах, и потому если с обеих сторон равная вероятность и равное право явится, то не может спорную вещь одному присудить без несправедливого лицеприемства; но он должен для воздаяния равного права спорную вещь делить и каждому часть свою определять, или примирять тяжущихся, или советовать им третейский суд, или отдавать по жребии, если вещь будет неделимая. Инако

⁶⁰ Дильтей Ф.-Г. Начальные основания вексельного права для употребления на юридическом факультете Московском. М., 1768. Предупреждение.

⁶¹ Это название автор привел после посвящения императрице Екатерине II и перед началом основного текста книги. Полное же ее название, напечатанное на титульном листе было следующим: «Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательстве судебном с Генеральным регламентом с Уставом Главного магистрата, и с инструкциями городских магистратов, словесного суда и гильдии, с Уставом таможенным старым и новым, с их конфирмациями и с инструкциею Коммерц-коллегии со всеми приличными везде указами, сочиненное в пользу учащихся юриспруденции в Московском императорском университете от Филиппа Гендриха Дильтея, обоих прав доктора, оных же и истории в императорском Московском университете публичного и ординарного профессора, Майнцской Академии полезных наук и разных других, как-то Вольного Экономического и Российского Вольного же собрания членом и присяжным адвокатом Консистерии Пассанской, что в Вене. Печатано при императорском Московском университете, 1779 года».

бывает в уголовных делах, в которых ежели ответчик имеет равную вероятность или и меньше на свою сторону, то однако ж право на сторону его больше склоняется, нежели на сторону доносителя, понеже лучше есть виноватого отпустить без наказания, нежели невиноватого осуждать, в чем и российское право во всем согласно»⁶².

Название книги довольно точно отражало ее содержание: в ней действительно шла речь о «принадлежащем для суда месте», т.е. о сущности суда и его видах (глава 1)⁶³, о судебной власти (глава 2)⁶⁴ и судебной должности (глава 3)⁶⁵, о челобитной (глава 4)⁶⁶ и юридических (судебных) доказательствах (глава 5)⁶⁷. И все это на самом деле излагалось на основе действовавших в то время российских узаконений. Вместе с тем при рассмотрении такой разновидности доказательств, как поединок, Дильтей ссылаясь на Судебник царя Иоанна Васильевича «с умнейшими примечаниями господина Татищева». Кроме того, он приводил мнения известных западноевропейских правоведов — Бартола, Альциата, Куяция, Цазия, Неттельблакта, соглашался или спорил с ними. Наконец, Дильтей опирался в своем исследовании суда на широкий круг исторических фактов. В результате ему удалось создать весьма содержательный и интересный трактат, являвшийся по методологии одновременно догматическим, историческим и философским произведением, а по стилю изложения — сочинением и научным, и публицистическим.

Описывая судебную власть, функции и обязанности судей, Дильтей не ограничивался изложением норм законодательства, но старался показать и высокое общественное значение этой профессии. Один из параграфов третьей главы, посвященной судебной должности, он специально отвел «знатнейшим доброго судьи качествам». «Ничего я здесь не упомяну, — писал в нем Дильтей, — о судье развращенном, святость законов безумно презирающем, к государю и всему обществу бессовестном, услаждающемся горькими утесненными слезами, бесчеловечно и от крови бедных тучнеющем: но до доброго судьи, старающегося быть справедливым и правосудным, коснусь здесь кратким знатнейших его качеств изъяснением.

Добрый судья, который есть или самый государь, наместник на земли Божий, или от государя учрежденный, должен ясно и подробно знать все законы, или по крайней мере к суду своему особенно

⁶² Дильтей Ф.-Г. Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте, о судебной власти, о должности судебной, о челобитной и доказательстве судебном. М., 1779. С. 71, 73. На четных страницах этой книги напечатан ее латинский текст.

⁶³ Там же. С. 3–49.

⁶⁴ Там же. С. 49–65.

⁶⁵ Там же. С. 65–95.

⁶⁶ Там же. С. 95–131.

⁶⁷ Там же. С. 131–209.

принадлежащие, дабы мог употреблять оные в делах случающихся; он должен быть проницателен для исследования самой точности дела, к которому он законы приводить обязан, ибо часто от самого малейшего обстоятельства все дело переменяется.

Добрый судья должен быть *слеп* в рассуждении судимых лиц, ибо в суде никакого лицепрятия иметь не надобно; что уже и самая отдаленная древность признавала, как то читаем о славном в Греции Ареопаге, где судьи всегда собирались ночью и все судопроизводства отправляли в темноте, для того дабы им не тронуться жалким взглядом и неблагоприятным милосердием к судимым; им с почтением предлагаемы были одни только дела без имен просителевых, для того чтоб они, увидав имя истца или ответчика, от правды не отступали и решения по милости или по ненависти не делали.

Но вместе должен он быть и *стоглазым АРГУСОМ*, ежели постоянное имеет желание каждому воздавать свое право, дабы не воспрепятствовал кто как правому его благорассмотрению, так и правосудию, которые две вещи суть единственный предмет доброго судьи.

Добрый судья должен быть *глух*, чтобы не слушать никаких прошений за челобитчика или за ответчика, ибо он по должности своей наблюдать правосудие обязан: да просящий за челобитчика или за ответчика причиняет обиду судье довольно язвительную: ибо кто просит за имеющего справедливое дело, тот как бы ясными словами говорит судье: хотя известно мне, господин судья, что вы неправедны, что по взяткам судите и не доброхотствуете ищущим правосудия, однако прошу в сих по крайней мере обстоятельствах, касающихся до моего приятеля или приятельницы, пренебрегите все и для меня будьте правосудны; просящий же за имеющего неправо дело, как бы следующее говорит: позвольте мне подкупить вас, прошу утеснить невинного для моего приятеля или клиента, опровергнуть правого и презреть правосудие; вам власть дана, пользуйтесь оною; судите в пользу моего приятеля, примите его в свою милость и прочая. Однако добрый судья, будучи глух к сим прошениям, должен иметь и уши отверстые для обеих равно сторон, дабы по выслушании от каждого на свое дело доказательства рассуждать мог об оных; ибо в юриспруденции принято правило: *надлежит выслушать и другую сторону*. Которое столь необходимое есть, что никого, кто бы он ни был и как бы ни известно было дело, не выслушав его защищения, осуждать не должно. Почему у многих народов обвиняемым в уголовных делах и адвокаты даются, которые бы ходатайствовали в суд за обвиняемых и сколько возможно защищали бы оных. Но и здесь беречься надобно, чтобы судья, слушающий обеих сторон, не пленялся красноречием одного, язык изошренный имеющего, приятностью же слов уловляющего и не огорчался неприятным косноязычием другого, который

хотя, может быть, лучшее право имеет, однако не одарен способностью изъясниться; ни грубостью какого-либо просящего, который и без умыслу может явиться неучтив, не все бо к учтивству рождены и воспитаны есьмы, ниже ежели кто умышленно непристойными словами огорчит судью, он должен от пути правосудия отступить, но он должен за умысел наказать виноватого, не повреждая дела, рассмотрению судебному подлежащего. Судья дело тяжёлое разбирать должен по внутренним обстоятельствам, которые ни способом изъяснения, ни сродным неучтивством превращены и нарушены быть не должны.

Добрый судья должен быть *нем*, дабы что в судах производится, не разглашал в народ и не подал чрез то случая к изысканию бесконечных волокит, пагубных для обеих сторон; должен быть *нем*, дабы он не сказывал тяжущимся ничего, кроме что касается до законов; ибо знать ему надобно, что он судья, а не адвокат. *Нем* должен быть, дабы не говорил за кого против правды: но вольный должен иметь язык к защищению оныя... Сверх сего нам кажется, что судья и безруким быть должен, естли Беркенмееру поверим, который в древностях своих так пишет: в Женевском придворном вышнем суде находится изображение, представляющее семь судей за столом сидящих, шесть без обеих рук, седьмой же, то есть председатель, с одною только рукою, которою держит весы правды. Под сим изображением находится надпись: *для воздержания судей от всех взятков*⁶⁸.

Книга Ф.-Г. Дильтея «Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательстве судебном» представляла собой попытку осмыслить сущность основных институтов судоустройства и правил судопроизводства, отраженных в российском законодательстве. Она осталась единственным научным трудом в этой области, изданным в России XVIII в.

В 1781 г. в Санкт-Петербурге было напечатано сочинение Дильтея «Диссертация о исследованиях юридических или о дедукциях судебных дел (ou Mémoires raisonnés), сочиненная в Московском Императорском университете от Филиппа Генрика Дильтея». Это была брошюра объемом в 32 страницы, в которой доказывалась необходимость допущения при разборе судебных дел докладов опытных юристов о существе данных дел и о применимых к ним законов.

В течение своей преподавательской деятельности Ф.-Г. Дильтей многократно выступал с актовыми речами в торжественных собраниях Московского университета. Так, в 1764 г. он произнес речь «О различии истинной и точной юриспруденции от ложной», в 1768 г. — речь

⁶⁸ Там же. С. 91, 93, 95.

под названием «Чего требует справедливость законов, защищающих малолетний возраст, когда малолетние окажутся обманщиками», в 1771 г. — «О предоставлении конкурса вексельных кредиторов и векселей одним только купцам», в 1774 г. — «О присутственных местах и разных родах дел, ведению каждых принадлежащих», в 1776 г. — «О разных родах челобитен и просьб», в 1780 г. — «О пользе знания и судебных делопроизводств и их решений».

Пребывая в России, Дильтей изучал не только русское законодательство, но и политическую историю, литературу и географию. В 1771 г. в Москве вышел в свет его «Опыт российской географии с толкованием гербов и с родословием царствующему дому...». Почти половину этого труда занимает глава под названием «О замечательностях в России», в которой рассказывается о древней русской истории, о русском законодательстве и литературе. В 1781 г. в Санкт-Петербурге была опубликована книга Дильтея, название которой говорит само за себя: «Собрание нужных вещей для сочинения новой географии о Российской империи».

Таким был Филипп-Генрих Дильтей, первый профессор юридического факультета Московского университета. Его личность и научные труды — неотъемлемая часть начального периода истории этого величественного храма образования и науки.

Список литературы

1. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. М., 1855. Ч. 1.
2. *Дильтей Ф.-Г.* Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательстве судебном. М., 1779.
3. *Дильтей Ф.-Г.* Начальные основания вексельного права для употребления в юридическом факультете Московском. М., 1768.
4. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: В 3 т. Т. 1. М., 1960; Т. 2: 1765–1766. М., 1962; Т. 3. М., 1963.
5. Законодательство императрицы Елизаветы Петровны / Сост. авт. вступ. ст. В.А. Томсинов. М., 2009.
6. *Морошкин Ф.Л.* Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции // Ученые записки Императорского Московского университета. 1834. Ч. 3. Февраль. № 8.
7. *Шевырев С.П.* История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М., 1855.